

Интегративная социология Питирима Сорокина

Александров Н.Н.

В соответствии с выдвинутой нами гипотезой, начале нашего XX века, около 20-го года, имел место многоуровневый циклический резонанс – сразу несколько больших, средних и малых исторических циклов завершилось и началось в этой конкретной точке истории. Вследствие этого, сверхсильного, резонанса в менталитете человечества произошел качественный прорыв: практически во всех областях знания появились теории, опередившие свое время на век и более. Они стали заделом для будущего, и наша сегодняшняя задача состоит в осмыслении и введении в научный обиход похороненных в запасниках или вымаранных из нашей научной истории работ великих русских ученых данного периода. Этим, в частности, занята системогенетика как новый интегративный научный комплекс, лидирующий в направлении всеобщего научного синтеза. Мы говорили выше, что системогенетика имеет как общую форму, так и прикладные разновидности, в частности интересующую нас здесь социогенетику.

В “Общедоступном учебнике социологии” П. Сорокина, вышедшем в 1918 году – за четыре года до появления “Теории исторического материализма” Н. Бухарина, были блистательно изложены итоги развития мировой социологической мысли в форме интегративной научной системы. Эта работа в некотором отношении подобна знаменитой менделеевской таблице, настолько естественно и последовательно в ней классифицированы самые разные направления социологии. Большевиков в его труде могло не устраивать только одно – отсутствие монизма, против которого П. Сорокин последовательно борется на протяжении всей книги. Этот аспект представляется нам наиболее важным и остро актуальным, таковым он был и остается на всем протяжении нашего века.

В 20-х годах историческое соревнование выиграл “любимец партии” Н. Бухарин.

Всякий монизм, не обязательно большевистский, а всякий вообще, нарушает основной принцип научного классификационного построения: он якобы дает ответ на все вопросы через единственно верную позицию и этим фиксирует саму эту частную позицию как вневременную. Монизм консервирует системный тезаурус науки, обедняя ее возможности и производя доминантную переконцентрацию всего научного поля. Даже если предположить, что в определенный исторический момент времени марксизм лидировал в науке, она развивалась и после него, менталитет не может быть остановлен на определенной точке с фиксацией единственно верного учения. Зато этим свойством обладает идеология и религия, выступающие именно в таком качестве,— они удерживали единство менталитета на длинных циклах. Только в Новом времени науку попробовали употреблять в подобном качестве, но при этом забыли, что она перестает быть наукой, а становится идеологией с признаками религиозного учения. Вот почему изначально плюралистическая социология П. Сорокина не выдержала в России исторической конкуренции с гораздо более слабой в научном отношении, но “идеологически верной и нужной” книгой тов. Н. Бухарина. Вполне возможно, что Питириму Сорокину повезло, займи он место Николая Бухарина, ему пришлось бы принять на себя и его страшную судьбу.

Обратимся к науке. Мы исходим из той точки зрения, что каждый гений строит свою теорию как архитектурное целое и что это целое можно реконструировать с несомненной пользой. Наша задача – выделить каркас социологии в понимании Сорокина. Мы не можем в столь краткой форме охватить все, но наиболее существенное – можем. Это имеет прямое отношение к построению системы современного гуманитарного и социального знания, а Сорокин в своей системе дал и то, и другое.

Система социологии П. Сорокина начинается с отчетливых постулатов и отточенных определений: терминологической культурой русская дореволюционная наука очень дорожила – у немцев учились. Он последовательными развертками определяет предмет социологии: жизнь, поведение, судьба, деятельность социальных групп. Ведущей категорией, двигателем выступает у него взаимодействие, которое он подробно рассматривает в последовательности от элементарной социальной клеточки до большого коллективного единства.

В его теории так же последовательно разворачивается вполне современная системогенетическая дуальность статики и динамики, что отражено в самой конструкции книги (Часть I – Учение о строении общества; часть II – Учение о деятельности людей, факторах поведения и механике общественных процессов). Современное определение системы – единство компонентов и структуры – уже присутствует у него: системное описание общества он дает через пару “строение и состав”. Динамическое – через понятие процесса, включающее историю и жизнь, происхождение и развитие. При этом деятельность является у него как бы ядром всех процессов; в это же ядро входят все силы, которые определяют поведение и процессы в обществе. Таким образом, исходная архитектоника у него пятиуровневая: два модуса статики, два модуса динамики и синкретическое ядро.

Интересно отметить, что уже в ранней работе концепция Сорокина органическая и человекоцентричная, – это видно по терминологии. При классификации взаимодействия он во множестве применяет психофизиологические термины типа “раздражение”, “сознательное и бессознательное”, “интеллектуальное и чувственное”, “воля”. Он использует и раскрывает самой первой *модель человека*, а далее всю свою понятийную конструкцию “развешивает” относительно этой модели. Отталкиваясь от человека, Сорокин рассматривает взаимодействие двух и более людей, получая усложняющийся ряд групп. Строение общества, расслоение его на группы, дает возможность

многопараметрического описания: возникает упорядоченное поле факторов, определяющих самое важное для Сорокина, – *поведение* человека и человеческих сообществ. От них он движется к пониманию сложных социальных групп, таких, как национальность и класс. Заметим, он не постулирует их, а *выводит* из подробно дифференцированного набора, путем связывания факторов. Этот метод делает понятийное поле социологии прозрачным и полифоническим, вот почему он никак не мог в этом случае угодить марксистам.

Во второй части Сорокин рассматривает обусловленность поведения человека и не оставляет от монизма камня на камне. Он последовательно излагает монистические точки зрения, укладывает их в пакет и очень ясно показывает связанность всего понятийного пакета как *нового целого*. В этом целом, говорит он, всякий монизм есть перекося, невысшимый для настоящей науки.

Система факторов, примененная Сорокиным, имеет три уровня: на нашем современном языке они звучат как абиотические, биотические и социальные, мы рассмотрим данные уровни ниже. При этом все три уровня внутренне иерархичны, например социальные факторы выстроены в иерархию на основе антропоморфной модели, очень близкой к той, которую использовали здесь мы. Намечена у него и мысль о перемещении доминирования в развитии общества от абиотических факторов к социальным и внутри социальных – к высшим ярусам социальности. Этим он задает идею прогресса как процесса эволюционного увеличения уровня системной сложности.

В результате последовательного развертывания модель социологии у Питириима Сорокина становится не только качественно описанной, но уже почти математической моделью. Это позволяет посмотреть на нее совсем иначе – как на структурный инвариант, как на специально организованный тезаурус социогуманитарного знания. В его модели четко выделяются три важнейшие

группы критериев и один ведущий принцип: критерий системогенетической полноты (и системное и генетическое; системное сквозь генетическое, проверка системы генезисом); критерий многофакторного (полипараметрического) описания статической модели; критерий иерархического (полииерархического) описания динамических моделей; построение знания на основе антропоморфного принципа.

Такой способ построения тезауруса изначально стягивает на себя все знание своего времени и способен к саморазвитию. Сколько бы ни было получено новых точек зрения на устройство общества, все они способны только увеличить полипараметрический набор. Сколько бы ни было введено новых факторов, влияющих на поведение общества, они будут входить как в общую тройку уровней, так и в одну из иерархий.

Мы намеренно обратились к первому и самому классическому изданию из работ П. Сорокина: в первых работах всегда есть все будущее. Покинув Россию, он выдвинул целый ряд новых моделей в социологии и социальной философии, но все они так или иначе базируются на положениях первой работы, и все зачатки его *интегральной социологии* уже присутствуют здесь.

После эмиграции в США П. Соркин ничуть не изменился: если в советской России он критиковал монизм и тотальные претензии Н.Бухарина, то на новой родине он встретил обратное положение дел. Первое, с чем он начал бороться уже там, был ползучий эмпиризм и позитивизм. За выступления против позитивизма его долгое время относили к школе “*понимающей социологии*”. П. Сорокин повел борьбу широким фронтом и своим испробованным способом – создал “интегральную социологию”, охватившую все аспекты широко понимаемой им культуры.

Он рассматривает социальную действительность в духе нового социального реализма, одним из постулатов которого явилась сверх-индивидуальная сфера *социокультурной реальности*. Она не сводится к

материальной реальности и наделена своей системой значений. П. Сорокин включил в нее все проявления отражательной способности человека: **истины чувств** (чувственная истина), **истину иррациональной** стороны интеллекта (духовная или интуитивная истина) и **истину его рациональной** стороны. Эта особая реальность бесконечно многообразна, и постичь ее полностью невозможно, ибо всякие проявления ее частичны. Как социолог П.Сорокин применяет все эти способы познания для нужд интегральной социологии. Высшим проявлением, наилучшим методом познания он считал *интуицию высокоодаренного человека*. Все важнейшие открытия, и здесь он несомненно прав, были совершены именно этим методом.

Понятие *социокультурной реальности*, по П. Сорокину необычайно близко к тому, что мы пытаемся втиснуть в понятие *менталитета*, имеющего проявления на многих уровнях. П. Сорокин тоже различает альтитуду: системы социокультурных феноменов на нескольких уровнях.

То, что у нас относится к уровню культурно-цивилизационных групп, он называет **суперсистемами**: это – высший уровень социокультурных систем, сфера действия которых распространяется на многие общества. Они и организуются, по его представлениям, вокруг определенного *типа мировоззрения* – фундаментальных предпосылок реальности и основных методов ее познания. Интересно устройство суперсистемы, то есть мировоззрения, по П.Сорокину:

- чувственная суперсистема, реальность, воспринимаемая непосредственно чувствами;
- умозрительная реальность, которая познается при помощи интуиции;
- идеалистическая реальность, рассматриваемая как комбинация первых двух, но скорее (и чаще всего) – рациональная.

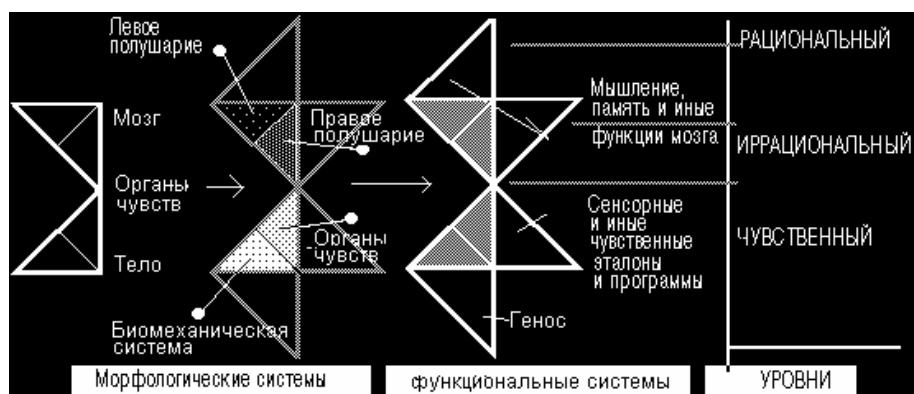
Этим подсистемам мировоззрения и соответствуют три формы истины, о которых мы говорили выше. В различные периоды истории базовые

предпосылки и суперсистемы находятся в различных фазах своего развития. В истории социологии (и в философии истории) именно по этому признаку (деление на суперсистемы и органический цикл жизни суперсистем) П. Сорокина относят к тому же ряду ученых, что и А. Тойнби, с его локальными культурами, Данилевский и Шпенглер, с культурно-историческими типами.

Мы можем трактовать и анализировать построения П. Сорокина в своей системе терминов и понятий.

Во-первых, все теоретические построения П. Сорокина преимущественно троичны (пара противоположностей и их синтез). Он называет свой метод диалектическим, и чувствуется, что он хорошо усвоил уроки Гегеля.

Во-вторых, начиная с первой книги и до конца жизни П. А. Сорокин применяет единую *антропоморфную модель социума* (где устройство общества идентично устройству самого человека). Применяем ее и мы, отчего интересно соотнести наши выкладки. Наша модель человека, взаимодействующего с обществом (группами) имеет морфологические (вещество), функциональные (энергетика) и информационные (информация) составляющие. Морфологические системы (тело в смысле костно-мышечной и вегетативной подсистем; нервная система и органы чувств; мозг и его два полушария) являются вещественной основой для функционирования, в том числе содержат две известные программы наследования (генетическую – в теле человека и социальную, переносимую из социума).

Таким образом, П. Сорокин работает только с духовной составляющей и выделяет в ней три уровня (и три подсистемы), которые мы можем идентифицировать *генетически* как мозговую уровень (чувственная подсистема), правополушарный (интуитивная) и левополушарный (рациональная). Если брать нашу полную схему и говорить об *информационной составляющей*, сюда следовало бы включить и генос, но Сорокин в качестве основного понятия использует “жизнь”, то есть *его интересует прежде всего настоящее*, в то время как генос есть свернутое прошлое.

Если мы захотим обернуть это построение на цикл, то можем рассматривать поэтапно доминирование подсистем, – и тогда в цикле мы должны обнаружить (по нашей теории) движение по схеме информационных блоков: рациональное (будущее) – иррациональное (настоящее 1) – чувственное (настоящее 2) – генос (прошлое). Кстати, здесь у нас возникает мысль, которая раньше как-то не приходила в голову: *при бифуркациях должна обновляться генетическая программа* и людей, и социума, причем это происходит на всех уровнях циклов, и это – разные уровни программ.

Уровнем ниже П. Сорокин выдвигает пять константных для истории систем: **науку, искусство, религию, этику и язык**. Перед нами – своеобразный универсум деятельности, очень сходный с деятельностной типологией в ее отражательно-коммуникативной части.

Основываясь на *идеалистическом понимании* истории (а идеалистическое здесь следует воспринять через призму самого Сорокина, имеющего в виду интуитивный метод познания), он выстраивает *концепцию всемирно-исторического развития человеческой культуры*. На этой основе базируется и его теория социокультурной динамики, позволяющая делать социальные измерения *социокультурных систем* (у него они развернуты в пакеты и иерархии, по той же методологии, что и в учебнике 1918 года). Внутри системы он находит *диалектику* (и ищет ее источники) и далее рассматривает

действительность как процесс закономерного изменения этих систем; диалектика порождает ритмику (периодичность) социокультурных изменений. Переход от одного типа мировоззрения (по его исчерпанию) к другому представляется очень похожим на переход пассионарности в ментальном смысле. Но П. Сорокина это интересует больше с социологической точки зрения: при переходе сменяются *нормативные образцы, система социальных институтов, изменяются тотальные* (константные в смысле инвариантности) *типы культурных суперсистем*. В пределах дуальной конструкции “солидарность–антагонизм” он выделяет три типа нормативных образцов – семейные, договорные и принудительные. Кстати, в качестве близкой по смыслу пары (“солидарность–антагонизм”) в нашей системе понятий выступает “кооперация–конкуренция”.

Практически полное сходство со сложившимися у нас взглядами на кризисы, революции и бифуркации мы находим в той части учения П. Сорокина, которая посвящена *переходным моментам* между сменами мировоззрения. Еще в 1925 году он по свежим следам своих русских уроков публикует “Социологию революции”; эта книга открыла целое направление в западной социологии “второй волны” и с ней до сих пор безуспешно борются идеологи “третьей волны”, обвиняющие ее в схематизме и пытающиеся “разжижить” П. Сорокина исследованиями конкретных революционных процессов.

Он считает, что первая мировая война и Октябрьская революция в России явились результатом огромных переворотов в социокультурной системе западного общества. И они только открывают собой период социокультурных потрясений. Вторая черта сходства – в индикации периода бифуркаций: П.Сорокин говорит о расцветающем гедонизме, тенденции к моральной индифферентности и “рутинному поведению” *большинства* людей в кризисные моменты. В то же время *меньшинство* сохраняет активность – альтруис-

тическую, религиозную и т.д. Нормальное состояние общества – обратное: здесь большинство проявляет активность и волю – такое состояние наступает после периода бифуркаций.

Интересно, что на данной глубокой научной основе Питирим Сорокин вынес свой вердикт западному миру, вердикт куда более строгий, чем “политическая микстура пленительного красноречия” О. Шпенглера или христианская укоризна А. Тойнби. П. Сорокин констатирует на основе всех интегративных параметров, что Запад (в широком смысле) находится в последней *чувственной* фазе и что кризис его – имманентный. Он умело вскрыл причины этого положения дел: политическую (концентрация власти в руках безответственных личностей) и морально-этическую (анархия, проникшая в систему моральных норм). Идеологическая безответственность и анархизация разъедают общество, и какими бы сдерживающими механизмами Запад ни манипулировал, он находится в *последней стадии “чувственных систем”*. Носителем этого этапа чувственной системы была Западная Европа, но ее пик творческого развития, когда она создавала *чувственную культуру*, уже пройден.

Сорокин известен также как исследователь, открывший социальную динамику еще и в ракурсе анализа внутреннего устройства социума и его ячеек (теория *социальной мобильности*, которая дополняется теорией *социальной стратификации*). Интересно, что его социогенетический ракурс построен на основе все той же первоначальной идеологии, очень близкой к нашей, системогенетической. Кстати, как квалиметрист он превосходно чувствовал значимость *категории качества*, именно поэтому он выступал против тупого западного прагматизма, применяющего преимущественно *количественные методы* и придающие непомерное значение *формальным процедурам*.

* * *

П. Сорокину принадлежит открытие “революции менеджеров”: в середине 50-х годов он отметил трансформацию класса (страты) капиталистов в класс (страту) менеджеров. Он известен также своим вариантом современной теории конвергенции, что очень существенно. Его перечисляют среди авторов, заложивших основы социологии науки и части юридической социологии (пенологии).

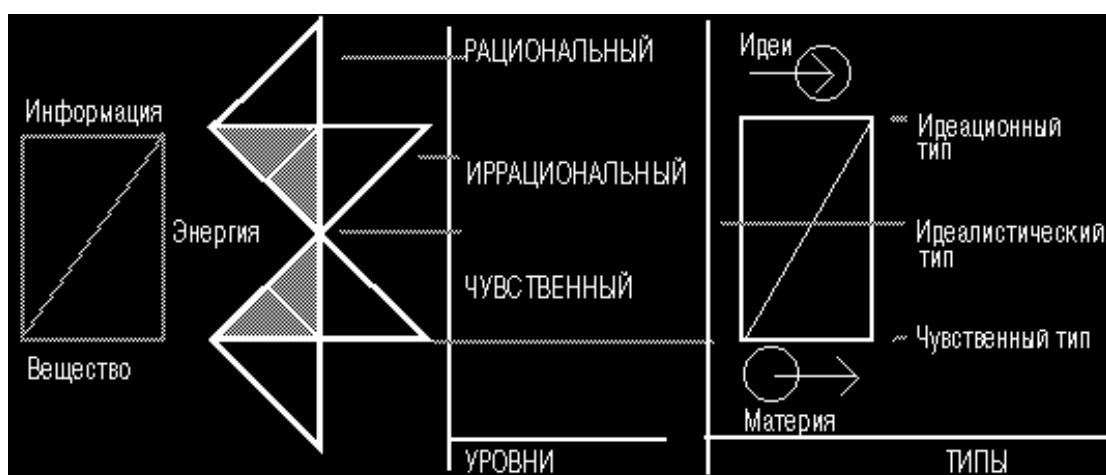
Его взгляды, продолжающие традиции **культурной морфологии**, завершают здание интегративной социологии. П. Сорокин строго различает *культуру* и *социальность*. Природа культуры связана с глубинно-мировоззренческими представлениями относительно *природы реальности*, с системой *потребностей и способов их удовлетворения*, но отнюдь не с социальным базисом. Его *типология культуры* исходит из диалектического понимания социальных процессов, он различает **три типа культур** (и типов мышления, своего рода образов жизни). Интересно, что органическая концепция позволяет равно говорить и о человеке, и о социальной группе (обществе).

1. **Идеационный** (идейный). Крайний предел, когда личность живет духовными потребностями (идеями) и минимально заботится о потребностях физических. Путь – внутреннее самосовершенствование, самоконцентрация. Активность личности или общества направлена внутрь себя. Истинная реальность для этого типа – нематериальное вечное бытие. Форма поведения – аскетизм.

2. **Чувственный**. Тип, обратный первому. Жизнь чувственная, единственная реальность – физическая. Чтобы удовлетворить эту потребность, меняют внешний мир, а не себя. Активность – вовне. Подлинная реальность для такого типа – то, что дано органам чувств. Поведение – гедонизм, полное удовлетворение чувственно-физических потребностей.

3. **Идеалистический.** Синтез двух крайних (и то и другое). С нашей точки зрения, это – гомеостатический, или уравновешенный, тип потребностей и поведения.

Мы поставили цифры в правильной последовательности, если говорить об историческом цикле. Пара наших индикаторов, которая это описывает, – “*извне внутрь – изнутри наружу*”. По Сорокину, этим трем типам культур соответствуют разные типы знания и критерии истинности, мы говорили о них выше. Нетрудно увидеть, что здесь он достраивает антропоморфную теорию до полноты, а его истинная пара, образующая троичность, вполне укладывается в применяемую нами координационную тройку – “вещество–энергия–информация”.

Кстати, “открытость и закрытость” (основанная на применяемой нами паре “*извне внутрь – изнутри наружу*”), если приложить ее к обществам, хорошо объясняют с помощью этой схемы, почему в качестве примера социальной мобильности и *открытости* фигурирует западная демократия, а кастовый строй в Индии рассматривается в качестве примера *закрытого* общества. Из схемы явствует, что открытость и чувственная ориентация потребительского общества есть явления взаимосвязанные: люди Запада переделывают мир, а индусы, люди Востока, – себя. В мире существует как бы некий насос, конденсатор, биполярный планетарный универсум из этих двух типов. Но у Сорокина, если

вспомнить все его построения, всегда есть третье, гомеостатическое. Возникает вопрос: а является ли всеобщая мобильность и открытость таким уж благом, как нам хотят это ныне представить. Этот вопрос для сегодняшней России из разряда остроактуальных, поскольку ее положение извечно срединное.

Исторический урок, который можно извлечь из социологии П.А. Сорокина, состоит в том, что и век спустя, после безмерного главенства монизма в нашей стране и вымарывания из истории этого русского ученого, мы возвращаемся именно к нему как к теоретику, задавшему «универсум социологии». Моральный урок еще более интересен – последовательно научная и в этом смысле бескомпромиссная точка зрения Сорокина оказалась нужна нам для выхода из кризиса, в который ввергли страну социологи-монисты (их даже марксистами не назовешь). Научная честность всегда моральна, но это замечание относится только к таким энциклопедистам и глобально мыслящим философам, как П.А.Сорокин, а вовсе не к ученым, которые за деревьями не видят леса и считают это верхом научной этики. Понимание глобальных тенденций неизбежно делает ученого гражданином мира и в этом смысле человеком бескомпромиссным – "никто, кроме меня".

